

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Данильченко Сергей Леонидович

д-р ист. наук, профессор, советник директора
 Филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный
 университет имени М.В. Ломоносова» в г. Севастополе
 г. Севастополь

УКРАИНА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ И.В. СТАЛИНА (1917–1940)

Аннотация: гражданское противостояние на территории Юго-востока Украины свидетельствуют об исторической несостоятельности современной геополитической стратегии США, подрывающей основы сложившегося после Второй Мировой войны мироустройства. В этой связи приобретает особую актуальность историко-философское осмысление историко-цивилизационных особенностей российского сообщества народов, национальных приоритетов и исторических перспектив национально-государственного развития России, геополитической стратегии И.В. Сталина.

Ключевые слова: цивилизационное взаимодействие, геополитика, национально-государственная политика, коренизация, самоопределение, межнациональные локальные конфликты, сепаратизм, национал-уклонизм, этносы, политический статус, легитимное право, национально-государственные образования, национально-территориальные образования.

Не менее важным, чем полное и окончательное прекращение огня, результатом окончания кровавого гражданского противостояния на территории Юго-востока Украины стало бы восстановление сложившихся на протяжении столетий цивилизационных взаимоотношений между русскими и украинцами. История этих взаимоотношений была разной, наши исторические связи в результате геополитической конъюнктуры переживали немало испытаний, вызванных не столько политическими амбициями царей, гетманов и президентов, сколько

отсутствием у многих из них геополитического мышления. Мир – это не только документы, подписанные политиками в переговорных комнатах фешенебельных дворцов, не только отсутствие обстрелов и бомбежек, не только восстановление сгоревших мостов, аэропортов, больниц или театров. Прежде всего, это возвращение разрушенного доверия между воюющими нациями, так как линия раскола проходит сегодня по национальному признаку «русский – украинец». Достаточно вспомнить драматические политические отношения Германии и Франции. Их почти столетнее противостояние, начиная с Франко-прусской войны 1870–1871 годов, определяло и отравляло всю европейскую политику. Поколения политиков обеих стран на протяжении десятилетий были настроены на то, чтобы отомстить проклятому соседу. В итоге только после Второй мировой войны президент Франции Шарль де Голль и германский канцлер Конрад Аденауэр поняли, что выгоднее договариваться и строить единую Европу. Для Украины и России – это оптимальный исторический пример. Миссия политиков – останавливать войны, а миссия народов – залечивать культурой раны войны при условии совпадения геополитических векторов национально-государственного развития.

В ходе образования российского многонационального государства многие народы были присоединены добровольно или силой оружия. Самодержавие проводило жесткую, но одновременно осторожную национальную политику – учитывались сложившиеся многовековые межнациональные связи, но имела место и имперская политика подавления, угнетения, сталкивания народов друг с другом. Национальная политика регулировала политическую, социальную и конфессиональную жизнь «иностранцев», представляющих разные конфессии и принявших православие. Она выстраивалась в центре, получала правовое оформление и осуществлялась на национальных территориях. При этом признавались и учитывались некоторые цивилизационные особенности жизни и быта «иностранцев», их конфессия и исторические традиции. Несмотря на постоянные антиправительственные выступления, самодержавию удавалось путем реформ, совершенствования правовой базы и карательных мер умиротворять национальные

окраины, добиваться сохранения территориальной целостности государства и ослабления центробежных и сепаратистских тенденций. Подъем национально-освободительного движения накануне и в ходе трех российских революций, рост национального самосознания привели к возникновению многочисленных национальных государственных образований. Происходило постепенное, но не бесконфликтное становление федеративного государства, народы начали обретать статус субъектов национальной политики. Свержение самодержавия и образование Временного правительства в 1917 году привели к изменению правовой основы российского государства. Действовало большинство статей «Свода законов Российской империи», «Табель о рангах». В декларации 3 марта 1917 года Временное правительство отменило национальные ограничения, а форму правления и конституцию должно было принять Учредительное собрание. Спустя полгода Россия была провозглашена демократической республикой. Территориально страна признавалась единой и неделимой. Повсеместно вводилась областная автономия, но изданные областными властями законы не имели силы, если противоречили основным законам (конституции) страны. Центральная рада провозгласила автономию Украины и самостоятельно избрала правительство – Генеральный секретариат. Были упразднены должности генерал-губернаторов, губернаторов, градоначальников, полицмейстеров, исправников, земских начальников и др., их заменили в губерниях, уездах и городах комиссариаты Временного правительства. Был издан правовой акт о комиссариатах, которые осуществляли надзор за соблюдением законов, постановлений и распоряжений правительства местными органами управления и самоуправления. Усилился процесс разрушение страны. Украинская рада критически оценивала политического и экономического состояние России. На Украине в апреле 1918 года провозглашена Украинская Держава во главе с гетманом П. Скоропадским, а в декабре 1918 года власть переходит к Директории, образованной лидерами Украинского национального союза. В феврале ее председателем становится С. Петлюра. Вновь была воссоздана Украинская народная республика, объявившая войну Советской Рос-

сии. В результате Октябрьской революции возникла Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. III Всероссийский съезд Советов в январе 1918 года принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Этот законодательный акт определил форму государственного устройства как свободный союз свободных наций, федерацию советских национальных республик. Свержение самодержавия в марте 1917 года оказалось судьбоносным для национальных окраин – вспыхнуло множество межнациональных локальных конфликтов. Развал страны фактически стартовал раньше – в феврале 1917 года. Он был вызван, прежде всего, войной, резким ослаблением власти центра, недовольством его политикой как в центральной части страны, где давно перезрел земельный вопрос, так и на ее национальных окраинах, элиты которых стали требовать свободы, не дожидаясь созыва и решений Учредительного собрания.

Отечественная историография дает лишь общие сведения о центробежных силах, раздиравших Российскую Империю. Необходимо проанализировать причины ослабления фронта после Февральской революции – ухудшение снабжения действующей армии, нежелание солдат воевать, усиленное революционной пропагандой и т.д. Российские историки не замечают роль украинской Центральной Рады – органа, практически самоназначенного, но с первых дней своего существования потребовавшего наряду с государственным суверенитетом Украины переформирования действующей армии путем выделения из нее частей, состоящих из украинцев и главной ставке не подчиненных. Ключевой композицией данного исторического сюжета является Брестский мир, благодаря которому до сих пор некоторые отечественные историки обвиняют большевиков в предательстве национальных интересов. При этом из исторической памяти вымараны следующие исторические факты: 1) в результате сепаратистских действий Центральной Рады военное положение немцев и их австро-венгерских союзников на Восточном фронте существенно улучшилось, 2) масштабы одних только продовольственных поставок из Украины немцам и австрийцам резко возросли, 3) Россия лишилась всяких шансов на справедливый мир без аннексий и контрибуций.

Наряду с Украиной, Польшей, Финляндией делить бывшую Российскую империю принялись мусаватисты Азербайджана, дошнацкие активисты Армении, успевшие дважды повоевать друг с другом, меньшевистские лидеры Грузии, предпринявшие военные действия против армян, осетин, абхазов и начавшие наступление вдоль Черноморского побережья на русские земли вплоть до Туапсе, но получившие отпор со стороны деникинской армии. Белым генералам пришлось воевать не только против красных, но и с сепаратистами разных мастей – за единую и неделимую Россию. Башкирская национальная элита пожелала распространить свой политический суверенитет даже на территории Казахстана, рассчитывая в этом на покровительство А.В. Колчака, встав на его сторону против Советов, но поняв, что под его властью желаемого суверенитета не получит, без промедления перешла на сторону большевиков под лозунгом «Пролетарии всех стран соединяйтесь!». Этот лозунг сами большевики претворяли в жизнь по-разному, так как в их рядах по данному вопросу имелись существенные различия.

Известна позиция Л.Д. Троцкого, Л.Б. Каменева и других лидеров большевизма, считавших Октябрьскую революцию прологом, первым этапом мировой социалистической революции. Вторым этапом, по их мнению, станет революция в Европе, чем и объяснялось их согласие на Брестский мир с немцами, «похабный, унижительный, но временный» в оценке В.И. Ленина, которому положит конец грядущее поражение Германии и революция в этой стране, что и случилось менее чем через год. Летом 1923 года Л.Б. Каменев выступил в «Правде» с серией статей о перспективах германской революции. Эта европейская страна с ее развитой индустрией и организованным рабочим классом, по мнению Каменева, вместе с Россией, страной крестьянской, станут тем оплотом социализма, к которому присоединятся Венгрия, где Советы уже некоторое время назад уже брали власть, Чехословакия, Италия. Другой известный большевик Карл Радек, выступая перед членами молодежной секции Коминтерна, заявил о том, как замечательно, что в самом названии страны – СССР нет слова Россия, значит, союз, в который она входит, открыт для вступления в него других стран, в том числе

Германии, только в них надо совершить социалистическую революцию. Данная позиция должна была, по убеждению ее апологетов, привлечь к себе принципом добровольности как вступления республики в Союз, так и выхода из него. От этих марксистских глобалистов отличались руководители советских республик, заразившиеся национализмом, принципами независимости от центра, включая свободу выхода из Союза. В числе таких политиков нередко были представители не коренной национальности. Так болгарин Н. Крестинский, в прошлом подданный румынской короны, половину жизни проживший в Европе, в Россию впервые приехал в 1919 году как представитель балканской конфедерации в Коминтерне и в том же году возглавил компартию Украины. Другой большевистский лидер, возглавлявший вооруженные силы Украины и Крыма, – М. Фрунзе родился и вырос в Туркестане, его отец – обрусевший молдаванин, мать – русская. Оба этих политических деятеля яростно отстаивали принципы конфедеративного союза республик. Была немногочисленная категория большевиков, исходявших из того, что Россия исторически сложилась как единое целое, состоявшее не просто из национальных территорий, а промышленных и аграрных регионов, органично связанных между собой кооперацией, транспортной сетью. По их глубокому убеждению, стоит вырвать из этого комплекса какую-то часть – нефтяной Баку, хлебную Кубань, Урал с его металлургией, перекрыть Волгу как водную артерию – и разруха стране обеспечена, что и произошло в ходе Гражданской войны. НЭП действительно помог подняться крестьянству, оживил торговлю, но многие промышленные предприятия в результате разрыва хозяйственных связей так и не были восстановлены. Поэтому сеялки, даже косы импортировались за валюту, зарплата рабочих составляла от одной трети до половины дореволюционной, а безработица стала массовой. Это – следствие территориального разрыва страны по национальной принадлежности. Выход из данного исторического тупика к реальному единению данной когортой большевиков виделся не через конфедерацию независимых национальных образований и не их федерацию с правом выхода из нее, а через автономию, способствующую культур-

ному и экономическому подъему национальных окраин. По мере же их приближения к уровню ведущих экономических и культурных центров автономия должна была уступить место принципу унитаризма, который, собственно говоря, и скрепляет ряд стран современного цивилизованного мира. Именно такую модель и обосновывал И.В. Сталин, которого поддерживали С.М. Киров и Г.К. Орджоникидзе. После того, как Сталин в апреле 1917 года выступил в «Правде» со статьей по национальному вопросу, П.Н. Милюков в своем докладе съезду кадетской партии, состоявшемуся в мае, дословно повторил сталинские тезисы построения российского многонационального государства. В отношении Финляндии и Польши И.В. Сталин не питал иллюзий. К отделению Финляндии относился как к неизбежности, так как учитывал, что вошедшие в 1809 году в состав Российской империи финны имели конституцию, избирали сейм, назначавший подотчетное ему правительство. В Великом княжестве Финляндском были своя финансовая система, таможенные границы. Поляки же, не желавшие союза с Россией ни на каких условиях, поднимали восстания в 1830-м, в 1863-м, в 1905-м годах. С учетом сложившегося исторического опыта Сталин был за то, чтобы отпустить Польшу в «свободное плавание» и выступал категорически против наступления Красной Армии на Варшаву в 1920 году с целью «советизации» Польши. От ситуации в этих двух странах коренным образом отличались настроения большинства населения в других частях бывшей Империи, поэтому И.В. Сталин и предлагал их объединение на принципах автономизации. Борьба внутри партийного руководства по вопросам национально-государственного строительства шла острейшая. Одна из ее особенностей состояла в том, что наркома по делам национальностей Сталина вместо исполнения им своих прямых должностных обязанностей направляли руководить то обороной Петрограда, то на Западный фронт, то на Юго-Западный, то в Царицын заготавливать хлеб. Он не раз просил освободить его от военной работы, но его старались удерживать на ней и подальше от национальных вопросов, которые в его отсутствие решал Л. Б. Каменев, занимавший более высокий пост в партийной иерархии и руководивший в своей государственной деятельности троцкистской

концепцией раздачи суверенитетов. Ставшая независимой Эстония смогла набрать и выставить против Красной Армии всего одну дивизию, два полка которой состояли из датских и финских добровольцев и лишь один – из эстонских. Красные же имели не только военное преимущество, но и пользовались поддержкой значительной части населения Эстляндии. Но вопреки этому Москва, о чем сегодня вспоминать не принято, не просто сдала республику местным самостийникам, а подарила им все российские суда, находившиеся в эстонских портах, все промышленные предприятия на территории Эстонии, выдала ее гражданам пенсии, не выплаченные с 1917 года. Более того, Эстонии были отданы Нарва и Ивангород, населенные преимущественно русскими. Не менее удивительно сложилась историческая судьба послереволюционной Латвии, где господствующей была вовсе не национальная буржуазия, а немецкое (остзейское) дворянство, именно от которого в свое время взято в обиход местными националистами слово «оккупант», применявшееся сначала к царской, а затем к Красной Армии. Что же до восточно-латвийской земли – Латгалии, то здесь настроения большинства населения долго оставались пророссийскими, а Советская власть крепко держалась благодаря красным латышским стрелкам. Но Москва сдала и Латвию, и Литву с частью Белоруссии. Следует добавить, что свою роль в этом сыграл большевистский нарком иностранных дел Г.В. Чичерин, сумевший убедить Л.Б. Каменева и В.И. Ленина, что дипломатические отношения с новыми, пусть небольшими, прибалтийскими странами станут прологом для дипломатического признания Советской России всем остальным миром.

Созданию СССР предшествовал Пленум ЦК РКП (б) 6 октября 1922 года. На I съезде Советов СССР 30 декабря 1922 года была утверждена Декларация и Союзный договор об объединении в одно союзное государство РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР. Правовой механизм создания СССР не исключал возможных центробежных тенденций, но Основной Закон, а также включенные в него Декларация и Союзный Договор, утвержденные 31 января 1924 года II съездом Советов ССР, способствовали процессу политической централизации страны. Со-

держание Конституции СССР 1924 года полностью соответствовало всем общепринятым международным нормам. Октябрьский пленум ЦК РКП (б) 1922 года – важная историческая веха, именно на этом пленуме выступил все тот же Каменев с заявлением о том, что накануне в беседе с ним Ленин, пораженный первым ударом тяжелейшей болезни, категорически отверг сталинский план автономизации. Было – не было, проверить невозможно, как и многое из того, что относится к высказываниям и работам В.И. Ленина в период болезни и начала борьбы Л.Д. Троцкого за власть, в которую включились его многочисленные и влиятельные сторонники, включая близких к Ленину людей. В этой борьбе в ход были пущены все средства, эффект которых ощутим до сих пор. Последующий период развития СССР характеризовался активным процессом централизации в национально-государственном строительстве. Одновременно увеличивалось число национально-территориальных образований, повышался их формально-правовой статус. Удивительная прочность Союза советских республик заключалась в компромиссе принципов, положенных в его основу. Скрепляющим был принцип централизации таких важных государственных функций как оборона, внешняя политика, плановая и финансовая система и т.д. А вот культурное строительство и просвещение остались практически в ведении республик и в значительной мере были доверены представителям прежней интеллигентной и полунинтеллигентной среды, и даже тех, кто вернулся из-за рубежа. В Украине среди них было немало выходцев из австрийской и польской Галиции, в Азербайджане – из Турции и т. д. Под видом национальной культуры они, сначала исподволь, а затем все шире, стали культивировать мифы о минувшем «золотом веке», якобы утраченном под давлением злой, враждебной имперской силы. На волне этого «возрождения национальных культур и традиций» уже в первые годы Советской власти в ряде республик создавались так называемые терминологические комиссии, активно занявшие искусственной заменой русских «угнетательских» слов и выражений плодами либо местного словотворчества, либо, как в той же Украине, насаждением германизмов и полонизмов. А были и такие деятели культуры, как профессор М. Грушевский, во время Первой мировой

войны, осужденный как агент Австро-Венгрии, но затем возглавивший Центральную Раду, а в советское время ставший академиком, автором монографий, в которых писал о славной Киевской Руси, избавлявшейся от асоциальных элементов, ставших в дальнейшем русскими. Семена этой культуры дали всходы в годы перестройки и стали основанием новых национальных идеологий на постсоветском пространстве, более нетерпимых к любым видам инакомыслия, чем какие-либо из прежних «измов».

В западной историографии постоянно поднимается тема о великорусской империи и планомерной политике русификации народов в Российской Империи и СССР. Русские имели двойное государственное самоопределение – республиканское и общесоюзное, что было закреплено в Конституции 1924 года. Создание национальных республик и автономных областей не было правовым ограничением для представителей многонационального населения, в том числе русского как самого многочисленного. Борьба с колониальным наследием в национальных районах не может рассматриваться как целенаправленная политика игнорирования национальных интересов русских, что не подтверждается исторической практикой. Хотя на X и XII съездах партии, где рассматривался национальный вопрос, говорилось и о борьбе с великорусским шовинизмом. Частью национально-государственной политики большевиков была политика коренизации, которая должна была включить народы республики в систему административно-государственного управления. Нельзя отрицать сложившиеся диспропорции между правовым положением населения на национальных окраинах и центре дореволюционной России. Попытки Советской власти приблизить народы национальных окраин к участию в управлении были легитимными и справедливыми. На практике при проведении коренизации допускались ошибки, увольнялись квалифицированные сотрудники местного аппарата управления, среди которых были представители разных народов, что не являлось целенаправленной политикой национальной дискриминации некоренных народов на национальных окраинах. Советская правовая система была единой по всей стране и не имела

национальной направленности. Ликвидация кулачества как политико-социальное явление осуществлялась в соответствии с правовыми актами того времени. Данная политика Советского правительства не является национальным геноцидом, так как репрессиям подвергалась зажиточная часть крестьянства, включавшая представителей всех народов нашей страны. Складывалось новое многонациональное общество на интернациональных принципах, где каждый народ стал субъектом публичного права в составе федерации. Советское государство способствовало правовой институционализации этничности как политической категории, фиксируя ее в паспортах, а территории – за крупными этносами и этническими элитами. Последние стремились обрести более высокий политический статус, подталкивая этнополитические общности к реализации легитимного права на собственную государственность.

Свержение самодержавия в марте 1917 года оказалось судьбоносным для национальных окраин нашей страны. На огромных просторах бывшей Российской Империи вспыхнуло множество межнациональных локальных конфликтов. Ценой невероятных усилий и огромных жертв российская государственность была спасена и стала развиваться в 1917–1921 годах в совершенно ином историческом качестве, не без личного участия наркома по делам национальностей И.В. Сталина. Поддерживая, с одной стороны, право наций на отделение, а с другой – декларируя убежденность в том, что «9/10 народностей после свержения царизма не захотят отделиться», Сталин вел игру на опережение по таким же правилам, как и в 1913 году в борьбе против культурно-национальной автономии. Если тогда большевики переиграли своих противников, предлагая массам более радикальные политические методы разрешения национального вопроса, в частности, право наций на отделение, то теперь они повели еще более рискованную игру. Механизм этой политической игры И.В. Сталин обнародовал позже, в 1929 году, в беседе с группой украинских писателей: «...когда Ленин говорил об отделении национальностей вплоть до образования самостоятельного государства, он отчетливо формулировал так: «разъединиться для объединения» – это и есть марксистский подход... Ленин не стоял вовсе за то, чтобы все государства

раздробились. Он стоял за то, чтобы они, государства, раздробившись, дали возможность создать почву для взаимного доверия рабочих и крестьян и потом поставить практически вопрос об объединении» [1]. Предлагая на 7-й конференции РСДРП право на отделение тем народам, которые не могут или не хотят оставаться жить в рамках единого государства и, гарантируя областную автономию тем, кто не хочет отделяться, И.В. Сталин от лица большей части партии большевиков предложил четкую концепцию разрешения национального вопроса, что не смогло сделать Временное правительство. Хаотичная национальная политика этого правительства дала Сталину возможность упрекать его в том, что оно «наносит смертельный удар» объединению народов «в единую братскую семью» и ведет к распаду России, «против которого так фальшиво и лицемерно вопиет буржуазная печать» [2]. Такие упреки били точно в цель, поскольку Временное правительство проявило полную недееспособность в сохранении и укреплении российской государственности. Видный чешский политический деятель, идеолог славянского единства К. Крамарж вспоминал: «...уже 18 марта литовская депутация потребовала автономии, а украинцы создали свою народную раду. Сначала они казались умеренными, добивались только права языка и школы, но скоро их требования пошли дальше и дальше, и к концу июня они уже имели свой генеральный секретариат, то есть свое правительство. Временное правительство и тут не приняло мер, а только просило, чтобы украинцы не разрушали государства. Керенский запретил созыв украинского съезда. Но когда съезд все-таки собрался, послал ему телеграмму, что препятствий к дальнейшей деятельности украинского комитета не встречается. Понятно, телеграмма была встречена громким смехом. Чрезвычайно интересно, что... все это движение находилось в связи... с германским генеральным штабом. Литовский сейм тоже провозгласил самостоятельность. Временному правительству и тут не оставалось ничего другого, как утешиться в том, что оно всем дает свободу... Повсюду полное банкротство русской государственной мысли, как результат неспособности русской интеллигенции сохранить государство и управлять им. Она не видела ничего, кроме своих мечтаний о свободе» [3]. Аналогичные мысли высказывал

один из виднейших деятелей российской социал-демократии Н.Н. Суханов (Гиммер). В своих известных «Записках о революции» он отметил, что «получившие свободу мелкие российские национальности, существующие и выдуманные, действительно не знали никакого удержу и разрывали на части государственный организм... положение было трудное и нелепое» [4]. Неспособность Временного правительства остановить распад России ускорило приход к власти большевиков, которые, отстаивая право наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, шли в ногу с эпохой уничтожения всех прежних традиционных устоев России. Выполняя ленинскую волю, И.В. Сталин внес свою лепту в разрушение Российской Империи, но он, как и большевики в целом, гораздо меньше сделал для этого разрушения, чем Временное правительство и многочисленные национал-сепаратистские течения. Именно национал-сепаратистские течения явились главной силой, разрушившей российскую государственность в 1917 году. Достаточно вспомнить о деятельности украинских националистов, которые смогли довести Временное правительство до раскола, выразившегося в выходе из него в июле 1917 года министров-кадетов А.А. Мануйлова, Д.И. Шаховского и А.И. Шингарева. Характерно, что один из самых активных политиков того времени П. Н. Милюков уже в эмиграции писал о том, что возникновению большевизма помимо прочих причин способствовали и «сепаратистские стремления интеллигентских вождей национальных меньшинств» [5].

Приход к власти большевиков не инспирировал, а только усилил те дезинтеграционные процессы, происходившие в России в период Временного правительства, сдававшего сепаратистам одну позицию за другой. Общеизвестно, что первые месяцы правления большевиков были пропитаны эйфорией от «триумфального шествия Советской власти» и ожидания скорой мировой революции. Такая эйфория позволила В.И. Ленину самоуверенно заявить о том, что «сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно

наций» [6]. Под влиянием таких настроений и появилась в ноябре 1917 года знаменитая «Декларация прав народов России» за подписью Ленина и Сталина, где четко говорилось о том, что народы России имеют полное право «на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства» [7]. Очередная неприятность постигла Ленина в отношениях с Украиной, где местные националисты начали потворствовать антибольшевистскому движению А.М. Каледина с целью как можно дальше отодвинуться от России. И в дальнейшем, когда Центральную Раду сменил прогерманский режим П.П. Скоропадского, и при господстве С.В. Петлюры проводилась та же линия. Это было очень опасно и для большевиков, и для России, так как именно на Украине были сосредоточены основные запасы зерна и угля, без которых центрально-европейская часть России просто не могла развиваться, так как с Сибирью она была связана только транссибирской магистралью, которая постоянно блокировалась враждебными большевикам силами. Конфликт с Украинской Радой заставил большевиков внести серьезные коррективы в свою национально-государственную политику. В декабре 1917 года И.В. Сталин делает несколько резких выпадов против сепаратистов и критикует неспособность некоторых местных большевиков эффективно противостоять национальной буржуазии. Так, 14 декабря 1917 года, выступая на заседании ВЦИК, Сталин недвусмысленно пригрозил украинским националистам: «Совет Народных Комиссаров не остановится перед решительной борьбой против Рады» [8].

В 1918 году процесс воссоздания единого государства начался с добровольного тяготения народов к большевистской России. Весьма показателен в этом отношении следующий факт. В начале апреля 1918 года жители нескольких сел Мелитопольского, Днепровского и Бердянского уездов обратились в Москву с протестом против их насильственного присоединения к Украине, где правила тогда марионеточная прогерманская Рада и хозяйничала немецкая администрация. 6 апреля 1918 года И.В. Сталин откликнулся на этот протест следующим образом: «...если верно заявление о желании всего населения упомянутых трех уездов остаться в составе Российской Советской федерации между тем, как немцы

и Киевская Рада хотят их насильственно присоединить к Украине, ...пусть жители этих уездов немедленно созывают уездные съезды делегатов от волостей и ставят там вопрос, хотят ли делегаты и их избиратели присоединиться к Украине или остаться в составе Российской Федерации. Если выяснится после такого опроса, что уезды эти не хотят присоединяться к Украине, пусть президиум съезда отправит по телеграфу соответствующее решение уездов Киевской Раде и Совету Народных Комиссаров в Москве, требуя от первой отказаться от насильственного присоединения упомянутых уездов к Украине и предлагая Совету Народных Комиссаров принять уезды в состав Российской Федерации, зачислив их к Крымской и Донской Областям» [9]. Несмотря на подобные инициативы большевиков, исходивших в основном от И.В. Сталина, весной 1918 года российская государственность продолжала пребывать в глубоком кризисе. Германская военная политика развеяла ленинские иллюзии о скорой победе революции в Европе. С огромным трудом добившись от своих соратников согласия на заключение Брестского мира, Ленин стоял перед весьма печальным фактом утраты огромных территорий бывшей Российской Империи, что создавало реальную угрозу существования Советской власти. Сложившаяся ситуация становилась опасной для Москвы. Уже имевшийся опыт самоуправления Украины показал, что односторонняя суверенизация национальных окраин оборачивается против новой России. Во избежание прежних ошибок, приведших к возникновению враждебных большевикам государств, И.В. Сталин вновь играет на опережение, предлагая закрепить в Конституции право наций на создание автономий: «...существуют на деле живые области и окраины, различающиеся особым бытом и национальным составом, трудовые элементы которых требуют от нас широкой автономии, права, языка, права управления, ну, словом, самостоятельного заведывания своими делами. Вот из этих областей надо исходить» [10]. Сталин вновь стремился перехватить инициативу у политических противников большевиков, в данном случае, у местных национал-сепаратистов, в кругах которых сформировалась и начала активно реализовываться идея переустройства России в федерацию по национально-территориальному принципу. В начале 1918 года

после признания большевиками националистического правительства Украины стремительно начали развиваться центробежные тенденции, усиленные многочисленными национал-сепаратистскими течениями. Стремление к отделению заставило большевиков в лице Сталина вновь продемонстрировать свою абсолютную лояльность к подобным требованиям и пойти на законодательное закрепление права на создание национальной автономии за всеми народами и национальными меньшинствами.

В 1918–1921 годы новая Россия подверглась суровым испытаниям. Борьба различных идеологий и социальных групп тесно переплелась с политическим соперничеством за влияние в различных регионах бывшей Российской Империи. С момента прямого вмешательства иностранных держав во внутренние дела нашей страны, большевики были поставлены перед исторически обоснованной необходимостью защиты национального суверенитета, а их противники стали орудием разрушения российской государственности в руках иностранцев. Британский историк Эдуард Харлет Карр совершенно справедливо заметил, что в указанный исторический период борьба между национальным пролетариатом и крестьянством, с одной стороны, и национальной буржуазией – с другой, на самом деле оказалась «борьбой между русскими большевиками с одной стороны, и, с другой стороны, русскими и нерусскими противниками большевиков за контроль над определенными территориями. Выбор делался не между зависимостью или независимостью, а между зависимостью от Москвы и зависимостью от буржуазных правительств капиталистического мира» [11]. Такое соотношение сил оказало решающее влияние на национально-государственную политику большевистской власти, которая ради своего самосохранения начала решительную борьбу с различными сепаратистскими движениями, координировавшими свою деятельность с иностранными государствами. В Политбюро высоко ценились участие И.В. Сталина в разработке важнейших документов, регулирующих взаимоотношения центра и окраин, по борьбе с сепаратизмом, и сталинская способность к гибкому лавированию в щекотливых ситуациях. Так, на его заседании 17 ноября 1919 года принимается решение отложить вопрос о назначении дня

проведения совместного заседания Политбюро и Оргбюро ЦК по поводу Украины «ввиду того, что товарищ Сталин на этом заседании присутствовать не может» [12], так как он в это время находился в Харькове в качестве члена РВС Южного фронта и председателя Украинского Совета Трудовой армии. Летом 1920 года И.В. Сталин сыграл немалую роль в первоначально успешном продвижении на западноукраинские земли, которые поляки вновь решили колонизировать, воспользовавшись внутрироссийской смутой. В ходе советско-польской войны на Западной Украине член РВС Юго-Западного фронта Сталин достаточно умело разыграл антипольскую карту. С 17 века русские люди, как отмечал известный историк Русской Православной Церкви А.В. Карташов, не желали быть уничтоженными и образовали на Галичине «особый национальный тип, упорно отстоявший себя от колонизации», что заставило польские власти начать «открытое, легальное» гонение на православие с целью его полного истребления» [13]. Подогревая антипольские настроения на западноукраинских землях, И.В. Сталин определил правильный вектор движения к завоеванию симпатий местного населения. 17 июня 1920 года он передал в 1-ю Конную Армию директиву «О поведении в занятых селениях и городах бойцов Конноармии», где указал, в частности, на необходимость того, чтобы «в каждом городе, в каждом местечке по пути следования конноармии» польских помещиков и интеллигентов «надо арестовывать и направлять в концентрационный лагерь, если его нет в вашей районе, должен быть создан обязательно». По отношению к украинцам Галиции Сталин предлагал применять совершенно иную политику: «Относитесь бережно к военнопленным украинцам из Галиции (русины) – (так в тексте – С.Д.), не только к крестьянам, но и к интеллигенции, внушите им, что если угнетаемые Польшей галицийские украинцы поддержат нас, мы пойдем на Львов для того, чтобы освободить его и отдать галицийским украинцам, выгнать оттуда поляков и помочь угнетенным украинцам-галицийцам создать свое независимое государство, пусть даже не советское, но... благожелательное, дружественное к РСФСР. Это поднимет революционный дух галицийских крестьян в тылу у поляков и подорвет силы Польши, что нам выгодно, как знаете это сами» [14]. По

сути дела, И.В. Сталин предлагает не просто определенную тактику в отношении украинцев Галиции, но и выдвигает идею образования на западных границах России буферного антипольского государства, что для новой российской государственности было жизненно необходимо, так как Польша была достаточно сильна для очередной экспансии украинских земель. На Западной Украине большевиков встречали как избавителей от польского ига. Председатель Галицийского ревкома Владимир Петрович Затонский в своем отчете ЦК РКП (б) от 15 сентября 1920 года сообщал о том, что «украинская часть населения Восточной Галиции на первых порах, не исключая даже интеллигенции и попов, принимают нас восторженно как избавителей от польского ига... Национализм заметно спадает. ореол национальных вождей интеллигентов после опыта хозяйничанья Голубовичей, Петрушевичей, Петлюр, после их очевидных измен даже национальному делу померк... Революционным ферментом являются галичане, прошедшие школу русской революции, а также «американцы». Почти в каждом селе можно отыскать такого «американца», вернувшегося из американской эмиграции, или индустриального рабочего, либо шахтера, побывавшего в Саксонии или Вене» [15]. К своему отчету Затонский приложил любопытный документ – письмо заведующего юридически-квалификационным отделом Галицийского ревкома некоего Федора Конара на имя Владимира Кирилловича Винниченко от 10 июля 1920 года. Конар был изобличен местными чекистами как внедрившийся в ревком националист. Из его письма следует, что «крестьянство на Правобережье после очередного налета, неузнаваемо. Всюду идут «академические» дебаты про устройство, про власть. Отношение к России настолько невероятно хорошее, что даже ужас берет... В петлюровской армии страшное дезертирство, более всего дезертируют все те же «проклятые» галичане. Те галичане, которые были в Красной Армии и захвачены поляками или добровольно перешли на их сторону, помещены в концентрационные лагеря. Думаю, что это рациональный способ вылечить галичан от мессианизма и галициомании. После некоторой отсидки в лагере выйдут порядочными людьми» [16]. Идеиные украинские националисты из лагеря Винниченко-Петлюры враждебно относились к

«мессианизму» и «галициомании» своих единоплеменников из Западной Украины, что являлось для большевиков и лично для Сталина весомым аргументом в пользу образования буферного антипольского государства.

В 1921 году большевики контролировали основную часть территории бывшей Российской Империи, что послужило началом объединения советских республик в единое государство. Наиболее сложным был поиск новой формы объединения между РСФСР и другими независимыми советскими республиками, прежде всего, Украиной. После окончания Гражданской войны российская государственность в форме советской федерации, прошедшая проверку на прочность в военное время, начала распространять свое влияние на территории, на которых сепаратизм начал поднимать свою голову уже под красным флагом. И.В. Сталин продолжал создавать новые автономии в составе РСФСР. Уступки по линии территориального расширения и размежевания различных автономий были для него необходимой расплатой за то, что в решающие моменты интервенции и Гражданской войны народы этих областей оказали активную поддержку Советской власти. Свернуть с этого пути означало только одно – столкнулась с усилением центробежных и сепаратистских тенденций, особенно на Украине. Центробежные изоляционистские настроения части национал-коммунистических кругов вызывали все больший протест не только в Москве, но и у многих коммунистов окраин, идейно не принимавших национализм. Для таких коммунистов центральная власть не отождествлялась с «колонизаторской» политикой царского режима, в укреплении власти центра они видели только благо. К тому же, личность большевистского вождя – Ленина – никак не ассоциировалась с русским национализмом и имперским диктатом Москвы не только у большинства коммунистов окраин, но даже и у некоторых представителей других партий. В большевистском руководстве дальнейшая централизация государства рассматривалась как естественный процесс, обусловленный как внешними, так и внутренними причинами. Г.В. Чичерин предложил накануне международной экономической конференции в Генуе включить в состав РСФСР «независимые» советские республики, исходя из того, что «если мы на конференции заключим

договоры как девять параллельных государств, это положение дел будет юридически надолго закреплено и из этой путаницы возникнут многочисленные затруднения для нас в наших отношениях с Западом» [17]. Необходимость преодоления центробежных тенденций для укрепления Советской власти очень ясно обрисовал в своем выступлении на X съезде РКП (б) в 1921 году один из лидеров украинских коммунистов В.Г. Затонский: «У товарища Сталина в его тезисах имеется намек, что невозможно существование отдельных независимых республик ввиду угрозы их существованию. Больше того, сама сущность Советской власти вызывает теснейшее объединение, и даже если бы и не было военной угрозы, все время, поскольку мы имели бы дело с советскими республиками, они должны были бы объединяться экономически. Это совершенно естественно и необходимо, и этого на партийном съезде особенно доказывать не приходится. Совершенно естественно, если бы мы в ущерб окраинам укрепляли центр, то мы поступили бы правильно, и если бы нам нужно было для укрепления его даже ограбить окраину, —...то мы пошли бы и на это» [18]. Подобные взгляды были свойственны партийному большинству. Изоляционистские и сепаратистские настроения господствовали в гораздо большей степени у отдельных национал-коммунистических руководителей, нежели у рядовых коммунистов-националов. Однако «болезнь» национализма, как это нередко бывает в истории, легко распространяется среди народов, если их власти умело ведут националистическую агитацию и играют на болевых национальных чувствах и проблемах, что и происходит в современной Украине.

По мере того, как часть национал-коммунистической элиты демонстрировала Москве все возрастающую независимость, большевистское руководство все более склонялось к идее о включении самостоятельных советских республик в состав РСФСР. Эту идею одним из первых выдвинул в январе 1922 года Г.В. Чичерин. Тогда эта идея не прошла. И вскоре Москва имела все основания сожалеть о нереализованном предложении Чичерина. На конференции в Генуе украинская делегация проигнорировала «единый дипломатический фронт» с РСФСР. Без

всяких консультаций и согласований с российской стороной, украинская делегация пыталась заключить соглашение между Украиной и Германией, ставящее под удар российско-германский договор в Раппало от 16 апреля 1922 года. Вопреки тому, что и Россия, и Германия предали полному забвению вопросы о долгах и о возмещении друг другу ущерба, причиненного в годы Первой мировой войны, посол УССР в Германии Владимир Христианович Ауссем потребовал, чтобы при заключении договора с Украиной немецкая сторона обязалась платить ей 400 миллионов марок, числящихся за ней со времен оккупации. Этот демарш был осуществлен по указке председателя Совнаркома Украины Христиана Георгиевича Раковского, который считал, что в основу экономического сотрудничества между УССР и Германией должны быть положены «денежные суммы, причитающиеся с Германии за оккупацию и реквизиции на Украине в 1918 году». К счастью, эту инициативу Ленин и НКВД быстро пресекли, но сам факт ее неожиданного появления был для Москвы крайне неприятен [19]. В августе 1922 года, когда И.В. Сталин выступил с инициативой о включении независимых советских республик в состав РСФСР, произошло то, что должно было произойти. Сталинская инициатива ублажала централистские устремления большей части партии и ее руководства. Идея наделения всех окраин и автономий равным государственным статусом – статусом автономной республики в составе РСФСР, разделялась большей частью партийных и государственных деятелей, как в Москве, так и на местах. «Игра» в независимость стала слишком опасной не только из-за сильных изоляционистских и националистических настроений в компартии Украины, но и из-за усиливающегося недовольства руководителей некоторых автономий РСФСР их «второсортным», недостаточным государственным статусом. Автономизация политически и юридически снимала эти проблемы, поскольку предполагала создание единого государственного образования, в котором все территории имеют одинаковый правовой статус, равные права и равные обязанности. Такое государственное устройство выбивало почву из-под сепаратистов, так как притязания на лишние привилегии за счет других народов поставили бы их в невыгодное положение. В сентябре 1922 года, после

того как руководство независимых советских республик ознакомилось с планом автономизации, борьба централистского крыла в партии во главе с И.В. Сталиным с радикальными национал-коммунистами вступила в острую фазу. Сентябрь 1922 года был одним из самых трудных месяцев в жизни И.В. Сталина. Практически добившись согласия на реализацию плана автономизации от партийного большинства, Сталина вынудили осуществлять ленинский эксперимент, изначально спровоцировавший негативные политические реакции. С принятием ленинского плана борьба централистского крыла партии во главе со Сталиным с «победившими» национал – коммунистами резко активизировалась. И.В. Сталину пришлось приложить неимоверные усилия к тому, чтобы СССР не развалился с момента его провозглашения на Пленуме ЦК РКП (б) 5–6 октября 1922 года. Несмотря на фиаско сталинской автономизации, национал – коммунистический сепаратизм и изоляционизм были обречены на историческое поражение, поскольку Сталин и его соратники были полны решимости добиться политического реванша и готовы к новому витку борьбы с Раковским и другими национал – коммунистами, выражавшими сепаратистские настроения. После того, как в конце сентября 1922 года Ленин настоял на создании новой федерации в форме СССР, разногласия между централистским крылом партии во главе с И.В. Сталиным и национал-коммунистами типа Раковского вступили в крайне острую фазу. Ленинский отказ от сталинского плана «автономизации» породил в партии и государстве весьма гнетущую ситуацию. Отбросив в сторону план Сталина, Ленин затеял очередной опасный эксперимент с российской государственностью, в ходе которого не только разгорелась с новой силой борьба централистского крыла партии с национал-коммунистическими радикалами, но и создавалась реальная угроза целостности РСФСР. Некоторые лидеры российских автономий вполне обоснованно увидели в СССР бестолково-громоздкое государственное образование с неравноправным статусом своих субъектов. Централистское крыло большевиков во главе с И.В. Сталиным, вынужденное выполнять ленинское указание об образовании СССР, столкнулось не только с новыми притязаниями на независимость от Москвы со стороны радикальных национал-

коммунистов Украины, но и было вынуждено противостоять российским национал-коммунистам, требовавшим для автономий РСФСР равного с независимыми советскими республиками статуса. Очередной атаки радикальных национал – коммунистов Украины долго ждать не пришлось. Уже 29 сентября 1922 года лидер украинских национал – коммунистов Х.Г. Раковский предписывает секретарю ЦК КП Украины Д.З. Мануильскому сообщить Г.И. Петровскому и М.В. Фрунзе, чтобы по приезду в Москву они отстаивали «нашу точку зрения», сформулированную Раковским достаточно откровенно: «Более всего для нашего революционного воздействия на границу имеет значение сохранение независимости Украины. Около десяти миллионов украинцев Польши, Галиции, Прикарпатской Руси, Буковины и Бессарабии ориентируются, и будут ориентироваться больше и больше на Советскую Украину» [20]. Это указание политического руководства Украины было быстро принято к сведению. 3 октября 1922 года Политбюро ЦК КП Украины постановило «категорически высказаться за принятую последним Пленумом ЦК КПУ резолюцию о взаимоотношениях между РСФСР и УССР, признавшую необходимость сохранения независимости УССР» с оговоркой на предмет того, что «если ЦК РКП примет, однако, необходимость вхождения УССР в состав РСФСР, не настаивать на сохранении формальных признаков политической самостоятельности УССР, а определить отношения на основе практической целесообразности» [21]. Столь половинчатое решение отражало реальный расклад сил в партийной верхушке Украины. Сепаратистские позиции отстаивали помимо самого Раковского М.В. Фрунзе – заместитель предсовнаркома Украины и командующий ее вооруженными силами и управляющий делами СНК УССР П. Солодуб. Остальные руководители республики легко могли отступить (и отступали в дальнейшем) от «самостийных» позиций под давлением Москвы. Со стороны украинских национал-коммунистов существование Советского Союза как федерации было поставлено под сомнение. В декабре 1922 года управляющий делами СНК УССР П. Солодуб попытался юридически обосновать необходимость устройства СССР по конфедеративному

принципу в своей статье «Новое в советском строительстве», публикацию которой запретил И.В. Сталин. В данной статье Солодуб пытался доказать, что СССР содержит 3 юридических признака конфедерации: право добровольного вступления в состав СССР и выхода из него; субъекты за собой все права суверенного государства вплоть до участия в органах технического руководства, что делает их частью верховного органа союза государств; за союзными республиками остается часть прав международной политики – участие их представителей в зарубежных представительствах Наркомата иностранных дел и Наркомата внешней торговли. «Все эти положения, – писал Солодуб, говорят о том, что будущий союз республик будет ничем иным, как конфедерацией стран, ибо субъектами союза являются не области и автономные республики, а суверенные государства, как Россия с ее областями и автономными республиками, конфедерация кавказских республик, Украина и Белоруссия, то есть что в видах более мощного выражения воли народов будущего союза они передают часть своих суверенных прав конфедеральному органу, но с условием, если кому-либо из субъектов будет невыгодно, права выхода из состава конфедерации». Исходя из такого видения СССР, Солодуб предложил разместить конфедеративный ЦИК в Петрограде или Нижнем Новгороде, а также четко определил его функции. По Солодубу конфедеративный ЦИК должен был вести: изменениями в Конституции; вопросами войны и мира; договорами с иностранными государствами «конфедеративного значения»; внешней торговлей «в части регулирования». Наркомат путей сообщения, почт и телеграфов, финансов Солодуб предложил «децентрализовать», то есть создать такие же наркоматы во всех республиках, призвав к тому же лишить эти наркоматы «права законодательства по своим отраслям» и предложив ввести так называемый принцип императивных директив, согласно которому все декреты вышеназванных наркоматов обнародовались от имени законодательных органов союзных республик с тем, чтобы каждый такой декрет являлся «по существу законом республики, а не ведомства» [22]. Нетрудно догадаться, до какой степени деградации «докатались» бы железнодорожный транспорт, связь и финансы в тех катастрофических условиях, в которых они уже пребывали

в 1922 году. Децентрализация управления железнодорожным транспортом, связью и финансами для такой территориально огромной страны, была бы смертельно опасной, поскольку необъятные просторы Советского Союза (как и Российской Империи) могли быть надежно защищены от иностранной военно-политической и экономической интервенции только при условии централизации системы государственного управления, позволяющей оперативно организовывать крупномасштабные железнодорожные перевозки, поддерживать на должном уровне информационные коммуникации и мобильно распоряжаться финансами. Стратегическое значение имело, прежде всего, сохранение и укрепление централизованной системы управления железнодорожным транспортом, поскольку при отсутствии в начале 1920-х годов полноценной авиации только по железной дороге осуществлялись необходимые перевозки материальных ресурсов, войсковых частей, чиновников и служебной почты. В начале 1920-х годов Европейская Россия была связана с огромными территориями Сибири и Дальнего Востока только Транссибирской магистралью, что послужило главным аргументом в деле налаживания централизованной системы железных дорог. Данную систему чрезвычайно высоко оценил английский географ, один из основателей геополитики Х.Д. Маккиндер, который еще в 1904 году писал о том, что «теперь трансконтинентальные железные дороги изменяют состояние сухопутных держав и нигде они не работают с большей эффективностью как в закрытых центральных районах Евро-Азии... Транссибирская магистраль по-прежнему остается единственной и далеко небезопасной линией связи, однако, не закончится еще это столетие, как вся Азия покроется сетью железных дорог. Пространства на территории Российской Империи и Монголии столь велики, что здесь, несомненно, разовьется свой, пусть несколько отдаленный, огромный экономический мир, недосягаемый для океанской торговли» [23].

В ходе организационно-политической работы по созданию новой федерации Москва сталкивалась не только с изоляционистскими и самостийными устремлениями Украины, но и со все более растущим недовольством автономий

внутри РСФСР. Это недовольство было вызвано «второсортным», недостаточным статусом этих автономий по сравнению с союзными республиками. В декабре 1922 года в дело образования СССР неожиданно вмешался Ленин. В своей статье «К вопросу о национальностях или об «автономизации» (30–31 декабря 1922 года) он предложил «новорожденный» Советский Союз оставить лишь «в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов» [24]. Данный тезис означал полный переход Ленина на позиции радикальных национал-коммунистов типа Раковского, которые добивались всемерной децентрализации новой федерации. Ленинское указание «восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов» было направлено против власти федерального центра, у которого вышеназванные лица как раз и стремились заполучить в свое полное ведение отраслевые наркоматы. Накануне 12-го партсъезда нейтралистское крыло партии атаковали украинские национал-коммунисты. 24 февраля 1923 года М.В. Фрунзе предложил Пленуму ЦК РКП (б) под видом практического осуществления решений 1-го съезда Советов СССР «признать необходимым пересмотр статей союзного договора в части, касающейся финансов (бюджет, займы) в направлении расширения бюджетных прав союзных республик в форме предоставления им права финансовой инициативы и заключения займов» и настаивал на расширении прав союзных республик в деле заключения концессионных договоров [25]. Добиваясь от Москвы подобных уступок, украинские национал-коммунисты стремились к максимальной экономической независимости Украины от России. При этом украинская сторона всячески игнорировала интересы общесоюзных структур, стремясь переложить на федеральный центр все проблемы, связанные с финансированием этих структур. Показателен в этом плане следующий факт. В августе 1922 года Пленум ЦК РКП (б) обсуждал вопрос о финансировании частей Красной Армии, размещенных в союзных республиках за счет средств местного бюджета. Пленум принял решение, обязывающее республики «производить расходы по квартирному довольствию... за счет

местных средств и не допускать никаких уклонений от этой обязанности». Выдача дотаций республикам оговаривалась «фактическим выполнением местными органами власти, возложенных на них части забот по Красной армии». При обсуждении этого вопроса Раковский заявил о том, что «без соответствующего увеличения дотационного фонда Украины, мы не в состоянии покрыть расходы на расквартирование армии» [26]. Подобные отговорки были следствием усиливающихся центробежных тенденций на Украине. Когда Раковский начал активно выступать за сохранение в республиках наркоматов иностранных дел и внешней торговли, он не жаловался на отсутствие на Украине средств на содержание этих наркоматов. На 12-м съезде РКП (б) обсуждение национальных проблем было столь острым и основательным, что съезду пришлось создать специальную секцию по национальному вопросу. Эта секция была создана под давлением делегатов с мест, поставивших перед центральной властью ряд серьезных требований о расширении властных полномочий местных органов власти. Наибольшую активность проявил Раковский. Он ультимативно потребовал «отнять от союзных комиссариатов 9/10 их прав и передать их национальным республикам», мотивируя это требование тем обстоятельством, что «центральные синдикаты, тресты стараются уничтожить развитие местных предприятий и кооперативов... идет борьба за сосредоточение богатств всех республик в руках центральных органов» [27]. Однако единого оппозиционного блока против централистского крыла партии во главе со И.В. Сталиным национал-коммунисты на 12-м съезде РКП (б) создать не смогли, что во многом предопределило их поражение. Более того, между украинской и грузинской делегациями возникла размолвка. Украинских национал-коммунистов не устраивал умеренный план реорганизации СССР, который предложил Мдивани. М.В. Фрунзе заявил о том, что план Мдивани грешит «игнорированием разнообразия экономических и других условий, в которых живут различные национальности. Получается шаблонно-бюрократический подход, о недопустимости которого говорил товарищ Ленин» [28]. Несовпадение целей Грузии и Украины в вопросе об образовании СССР сделало невозможным объединение групп Мдивани и Раковского против Сталина и его сторонников.

Разногласия между украинскими и грузинскими национал-коммунистами по вопросу об образовании СССР, поддержка Каменева и Зиновьева, а также поддержка ряда партийных руководителей с мест, например, Микояна и Орджоникидзе, позволили И.В. Сталину успешно защищать свои позиции. На заседании секции 12-го съезда по национальному вопросу И.В. Сталин не был столь суров и категоричен, как на пленарном заседании съезда, на котором он выступил с докладом «О национальных моментах в партийном и государственном строительстве». Сосредоточив внимание представителей республик на необходимости образования в ЦИКе новой палаты – Совета национальностей, он демонстрировал националам свою готовность идти им навстречу по ряду вопросов. Так, если раньше Сталин отрицательно оценивал перспективу образования в республиках собственных вооруженных сил, то теперь он предлагал «начать формирование национальных частей», выразив надежду в том, что если «через два-три года мы уведем русские войска и на девять десятых недовольства против русского шовинизма не будет» [29].

Готовность к компромиссу и конструктивному диалогу с представителями республик Сталин проявил и при обсуждении резолюции съезда по национальному вопросу. Так, он поддержал два предложения М.В. Фрунзе. В первом предложении речь шла о необходимости решительной борьбы с разговорами «о неизбежности победы более высокой русской культуры над культурами более отсталых народов»; второе предложение касалось проблемы создания на окраинах промышленных очагов и кадров местного пролетариата» [30]. Подобное гибкое поведение позволило И.В. Сталину без особого труда провести свои предложения по созданию палаты национальностей в ЦИКе, против чего активно выступал Раковский и его соратники. М.В. Фрунзе заявил, что поскольку в палате национальностей РСФСР будет занимать больше всего мест, «Белоруссия и Украина будут в невыгодном положении», особенно при распределении материальных средств, надо обеспечить равное количество мест в палате для субъектов СССР. Раковский предложил, чтобы в палате национальностей «ни одно из государственных образований» не имело «больше 2/6 голосов» [31]. Критикуя эти

предложения, Сталин умело играл на самолюбии функционеров российских автономий, заявляя, что «Раковский предлагает построить вторую палату так, чтобы туда входили представители государственных объединений. Он считает, что Украина есть государственное объединение, а Башкирия нет. Почему? Ведь мы совнаркомы в республиках не уничтожаем. Разве ЦИК башкирский не есть государственное учреждение?» [32]. Такие заявления льстили представителям российских автономий, поддержавших, в конечном счете, И.В. Сталина по вопросу о создании палаты национальностей именно в сталинской трактовке. Кроме того, нейтрализация всех предложений Раковского на съезде была достигнута Сталиным благодаря тому, что он сумел в негативном ключе представить особую роль Украины в мировом революционном процессе. Раковский намеревался сохранить независимость Украины для усиления ее «революционного воздействия на границу». Напомнив делегатам съезда, что «мы под Варшавой потерпели неудачу», И.В. Сталин убедил собравшихся в том, что «восточные народы, органически связанные с Китаем, с Индией, ... важны для революции, прежде всего. Удельный вес этих маленьких народностей стоит гораздо выше, чем удельный вес Украины» и поэтому всякие призывы Раковского повернуться лицом не только к Востоку, но и Западу безосновательны [33]. Большинство съезда и в этом вопросе поддержало Сталина.

12-й съезд ознаменовался победой централистского крыла партии во главе с И.В. Сталиным над радикальными национал-уклонистами, но реальное положение дел в национально-государственном строительстве кардинально не изменилось. СССР как государственное образование находился в юридически неопределенном и политически нестабильном состоянии, будучи, по существу, продекларированным, а не реальным государством. Данной ситуацией стремились воспользоваться украинские национал-коммунисты во главе с Раковским. Централистское крыло партии вновь столкнулось с группой Раковского, ратававшей за конфедеративное государство. Проинформировав 4-е совещание ЦК с ответственными работниками национальных республик и областей о том, что

ЦК КП Украины приняло решение «добиваться расширения прав отдельных республик», Раковский огласил украинский вариант устройства СССР, согласно которому наркоматы иностранных дел и внешней торговли из союзных переводились в союзно-республиканские, а наркоматы продовольствия, труда и Рабоче-крестьянской Инспекции из союзно-республиканских в республиканские [34]. Факт изъятия внешней политики и внешней торговли из сферы общесоюзного правительства убедительно свидетельствует о конфедералистских взглядах Раковского. Данное убеждение сформировалось не только на основании вышеприведенного факта, а при сравнительно-сопоставительном анализе последнего с действиями украинской делегации на Генуэзской конференции, со статьей управляющего делами СНК УССР П. Солодуба, письмом самого Раковского к Д.З. Мануильскому, т.е. со всеми теми фактами, которые безапелляционно свидетельствовали о твердом намерении группы Раковского сделать Советскую Украину независимым от России государством. В этом Сталину без особого труда удалось убедить участников совещания: «Где же тут единое государство, если у каждой республики остается свой НКВД и НКВДТ? Чем это не конфедерация? [35]. 4-е совещание ЦК с ответственными работниками национальных республик и областей отклонило предложения Раковского и его сторонников. Вышеуказанное обстоятельство не деморализовало группу Раковского. Более того, украинские национал-коммунисты даже сумели добиться от Сталина уступки в вопросе о союзном гражданстве. Этот вопрос обсуждался 14 июня 1923 года на заседании расширенной комиссии ЦИКа СССР по выработке Конституции СССР. И.В. Сталин выступал за единое союзное гражданство, против введения двойного гражданства – союзного и республиканского. Необходимость введения единого союзного гражданства Сталин мотивировал тем, что «когда говорят об установлении гражданства, то хотят установить отношения работника с внешним миром... Допустим, что украинский гражданин попадает в Чехословакию или Америку. Считается ли он гражданином и Союза республик и, вместе с тем, гражданином Украины? Ведь украинского аппарата во внешних сношениях нет, кто его защищает?» [36]. Требование Сталина о введении единого союзного

гражданства было разумным при государственном устройстве, которое формировалось в те годы. Для такой федерации как СССР, введение двойного гражданства могло создать и создавало благоприятную почву для подавления нацменьшинств, не имеющих своего гражданства. Чтобы предотвратить подобные беззакония в отношении к нетитульным нациям союзных республик, необходимо было вводить единое гражданство. Но этого не произошло. Нормой Конституции СССР стало двойное гражданство, которое активно защищал украинский национал-коммунист Николай Алексеевич Скрыпник, настаивавший на том, чтобы «отдельного гражданина» могли «за жабры взять и отдельная республика, и Союз» [37]. Последнюю отчаянную попытку получить у Москвы политические уступки группа Раковского предприняла 24 июня 1923 года на заседании Комиссии ЦК РКП (б) по выработке юридических предложений о СССР. При обсуждении количества общесоюзных наркоматов Раковский вновь предложил перевести из общесоюзных в союзно-республиканские наркоматы иностранных дел и внешней торговли, но проголосовал за данную резолюцию только он сам. Словно предчувствуя такой поворот событий, Фрунзе предложил перевести из общесоюзных в союзно-республиканские наркоматы путей сообщения, почт и телеграфов, что было также отклонено комиссией против голосов Раковского и Фрунзе. В итоге комиссия приняла предложение И.В. Сталина считать общесоюзными наркоматы иностранных дел, внешней торговли, военных и морских дел, путей сообщения, почт и телеграфов. Раковский еще пытался добиться перевода наркоматов продовольствия и Рабоче-крестьянской Инспекции из союзно-республиканских в республиканские, а также выступил против совмещения функций наркомов СССР с функциями наркоматов республик, но и эти предложения были также отклонены [38].

Июнь 1923 года ознаменовал собой окончание острейшего партийного кризиса в связи с образованием СССР. Централистскому крылу партии удалось добиться четкого разграничения полномочий общесоюзной и республиканских властей, что явилось одним из важнейших факторов сохранения политической и территориальной целостности СССР как единого союзного государства. Все

главные противники централистской политики были не только идейно разгромлены, но и нейтрализованы от любых действий, направленных на децентрализацию страны. В борьбе с национал-коммунистической оппозицией окрепли и личные позиции И.В. Сталина, продемонстрировавшего качества решительного и гибкого политика, способного на нестандартные шаги и решения. Тактическая победа над радикалами и самостийниками в 1922–1923 годах еще не означала, что новая российская государственность в форме СССР стратегически застрахована от изоляционистских и сепаратистских тенденций. Впереди предстояли новые испытания. Разгром национал-коммунистической оппозиции в 1923 году еще не означал, что Москве удалось окончательно пресечь дезинтеграционные процессы, которые время от времени усиливались. Вспышки «самостийности» на Украине серьезно угрожали территориальной целостности СССР, но сталинская модернизация почти полностью их уничтожила. К концу 1920-х годов началось превращение СССР в унитарное государство. Партия большевиков исходила из приоритета классового начала над национальным, в результате чего СССР, будучи формально федеративным государством, де-факто стал унитарным. Перед Российской Империей и СССР всегда стояли непреодолимые препятствия, способствующие развитию центробежных сил и развалу. Постоянное территориальное расширение делали хрупкой конструкцию государства. Страна на различных хронологических этапах включала огромные фрагменты иных цивилизаций и культур различных этносов, жизненных укладов, религий, часть из которых принадлежала к традиционным доиндустриальным цивилизациям, которые необходимо было реструктуризировать и модернизировать. Особенно остро решение этих задач встало перед СССР в условиях приближающейся Второй мировой войны. Для сталинской модели модернизации необходимы были национальные кадры. После разоблачения культа личности И.В. Сталина в индустриальных регионах Левобережной Украины и на модернизированной Сталиным Правобережной Украине сложились условия для развития национализма. Высокий рост населения в УССР, политика социального равенства привели к возникновению в республике регионов-доноров и дотационных, к замедлению темпов

экономического развития, усложнению межнациональных отношений, росту правовых нарушений и коррупции, укреплению этничности как критерия политической стратификации. Все это произойдет позже, после смерти Сталина, а к началу Второй мировой войны Советский Союз стал столь мощным государством, что И.В. Сталин решился на смелые геополитические действия. Речь идет, прежде всего, о проблеме территориального роста СССР в 1939-1940 годы и сталинской стратегии управления национальными окраинами. Данные сюжеты весьма актуальны в свете современных проблем взаимоотношений Российской Федерации с Украиной, политически «патронируемой» США и Евросоюзом. Для понимания современной российской геополитики необходимо объективно изучить сталинскую стратегию управления окраинами в межвоенный период, рассмотреть причины сепаратистских процессов 1920-х годов, при анализе которых Сталин и формировал свою геополитическую стратегию. При всех противоречиях НЭПа несогласованность действий центральной и республиканских властей при проведении модернизационных преобразований в национальных окраинах способствовала неуклонному падению политического влияния Москвы. Добиться окончательного устранения причин ослабления властных полномочий союзного центра Сталин настойчиво стремился все 1920-е и отчасти 1930-е годы. Эту задачу он решил по трем основным стратегическим направлениям.

Первое направление было связано с ускорением социально-экономического развития национальных республик. Быстрый рост экономики союзных республик достигался за счет искусственного роста их бюджета. Эти республики получили не только стабильные дотации из общесоюзного бюджета, но имели немало льгот и послаблений, например, имели право оставлять на свои нужды часть производимой ими продукции. Известно и то, что искусственный рост бюджета союзных республик осуществлялся за счет всевозможных дискриминационных мер в отношении бюджета РСФСР. В 1930 году РСФСР отчисляла в свой бюджет 64,2% поступлений от промыслового налога, в то время как все остальные республики отчисляли до 100% [39]. Любая возможная корректировка такой политики трактовалась как выражение «великодержавного» или «великорусского»

шовинизма. Этот политический ярлык был в политическом обиходе как в 1920-е, так и в 1930-е годы. В 1937 году на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП (б) в «великодержавности» был обвинен бывший председатель СНК СССР и РСФСР А.И. Рыков. Заместитель председателя СНК и Госплана СССР З.И. Межлаук докладывал на Пленуме о том, что в свое время при обсуждении бюджета «Рыков, используя материалы какого-то из своих «помощников», выступил с заявлением, что он считает совершенно недопустимым, что туркмены, узбеки, белорусы и все остальные народы «живут за счет русского мужика». Основанием для такого, мягко говоря, антипартийного заявления послужило то, что даже эта жульнически составленная справка, не учитывавшая территориального деления союзного бюджета, показывала законный и необходимый тогда более быстрый рост бюджетов остальных национальных республик по сравнению с ростом бюджета РСФСР. При этом Рыков, разумеется, ограничился, как всегда, ядовитой «критикой», не осмеливаясь внести в ЦК ВКП (б) свои предложения, но предназначая эту критику для воспитания своей группы на основе...великодержавности, составляющей часть рыковской политической физиономии» [40]. С точки зрения национальной безопасности СССР большевики были вынуждены форсировать экономическое развитие советских окраин любой ценой. Интенсивное развитие экономики республик напрямую было связано с проблемой охраны их границ, на которых в 1920-е годы было весьма неспокойно. Нерешенность экономических проблем регионов оборачивалась откровенной иностранной экономической интервенцией, победить которую можно было только активным вмешательством общесоюзного центра в экономическую жизнь национальных окраин. Насколько глубоко И.В. Сталин осознавал и умело решал региональные экономические проблемы? Документы подтверждают, что при разработке стратегии управления национальными окраинами Сталин учитывал специфику местных условий и, исходя из этого, предлагал конкретные политические решения. В феврале 1935 года, участвуя в работе комиссии 2-го Всесоюзного съезда колхозников-ударников, И.В. Сталин настоял на увеличении раз-

меров приусадебных крестьянских хозяйств, ссылаясь на различия в землепользовании в разных регионах СССР. «Вы должны принять такое решение, – говорил Сталин, – в силу которого размеры приусадебной земли могли бы колебаться от местных условий. Ниже четверти га не должно быть и до одной второй га, а в отдельных районах до одного га. Я боюсь, что слишком смело то, что я говорю, может быть даже нужно повысить норму (Калинин. Товарищ Сталин, не хватит у нас земли). Сталин. Во всяком случае пока того, что я предлагаю, хватит для того, чтобы не вызывать недовольства и колхозников, у которых имеется сейчас больше чем 1/2 га. (Ворошилов. Таких все-таки меньшинство). Сталин. Я бы этого не сказал. В Кабарде не меньшинство, в Майкопе не меньшинство, возьмите Южный Дон – тоже не меньшинство. Вы возьмите некоторые районы Украины. Тут таится нечего, надо прямо сказать!...Есть дворы, у которых имеется по 4 га. Я сам видел... Восточная часть Сибири имеет особые хозяйства, там по 3–4 коровы можно иметь в личном пользовании. Иначе нельзя. В Казахстане, где кочевое животноводство, там по 8 га дается в личное пользование. Там земледелия нет, весь народ там живет животноводством. Если вы хотите писать закон не для одного колхоза, а для всей страны – надо все учесть, все разнообразные условия» [41]. Под влиянием этого выступления 2-й Всесоюзный съезд колхозников-ударников и принял известное решение об увеличении размеров приусадебных участков от 0,25 га до 0,5 га в пригородных районах, а в районах хлопководства, табаководства и в отдельных областях до 1 га. Учитывать специфику местных условий при принятии определенных решений, касающихся региональных экономических проблем, И.В. Сталин призывал в январе 1941 года группу экономистов, участвующих в обсуждении учебника «Политическая экономия». Критикуя систему уравнительной оплаты труда квалифицированных и неквалифицированных работников, Сталин продемонстрировал пороки этой системы на примере Прибалтики. Так, он говорил о том, что «вот в Прибалтике, например, раньше была сдельная система оплаты, потогонная система в условиях капитализма. Пришла Советская власть – везде установили повременную оплату. Но мы должны – это будет правильно – сделать так, чтобы они перешли на сдельную

плату» [42]. После присоединения в 1940 году к СССР новых территорий И.В. Сталин особенно внимательно относился к их экономическому развитию. Москва делала все возможное для того, чтобы население присоединенных территорий не испытало резкого падения уровня жизни, что неизбежно толкнуло бы его в орбиту влияния других государств. Чтобы этого не случилось, Сталин лично шел навстречу насущным экономическим потребностям новых советских территорий. В начале 1941 года он уделил большее внимание обеспечению земельными участками и сельскохозяйственным инвентарем безземельных и малоземельных крестьян Бессарабии. 15 января 1941 года И.В. Сталин и В.М. Молотов подписали постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об использовании имущества, оставляемого эвакуированным немецким населением в Молдавской ССР». Передавая молдавским крестьянам земли бывших немецких колонистов, правительство открывало им долгосрочный кредит (колхозникам – 250 тысяч рублей, крестьянским хозяйствам – 1 миллион рублей). Для скорейшего переселения крестьян на земли «эвакуированного немецкого населения наркомат совхозов СССР и наркомат финансов СССР были обязаны выделить 350 тысяч рублей». Кроме того, «для оплаты привлечения рабочей силы по уходу за скотом и охране имущества до момента его передачи переселяемым», из резервного фонда СНК СССР Совнаркому Молдавии выделялось 1 миллион рублей» [43]. Сталин осознавал необходимость форсирования экономического развития национальных окраин для укрепления геополитического положения СССР. Вполне закономерно возникают следующие вопросы. Почему И.В. Сталин проводил такую национально-государственную политику, при которой советские республики развивали свой экономический потенциал за счет интересов РСФСР? Существовала ли историческая альтернатива сталинской политике в конкретной геополитической ситуации, в которой находился СССР в 1920-е и 1930-е годы? Ускоренное развитие окраин в ущерб метрополии Сталин во многом унаследовал от царского правительства, которое также игнорировало интересы метрополии, вкладывая в окраины огромные средства, мало себя окупавшие. Экономическое положение русских и их культурный уровень еще и при царизме были заметно

хуже, чем у других народов. Вот какие факты приводит по данному поводу В.И. Козлов: «Русские крестьяне были закабалены сильнее других национальностей страны; к 1861 году в крепостной зависимости находилось еще около двух пятых русских крестьян (в некоторых центральных губерниях до трех пятых и более). На территории Украины и Белоруссии, где крепостничество было связано главным образом с деятельностью польских магнатов, процент крепостных был ниже. Что касается иноэтнических групп, например, в Поволжье – мордовских, чувашских и других, то они сначала попали в разряд «ясашных», а затем в подавляющем большинстве – в разряд «государственных» крестьян – более свободных и в среднем лучше обеспеченных землей как до реформы 1861 года, так и особенно после нее. Значительно лучше русских были обеспечены землей народы Прибалтики, что дало им возможность развивать хозяйства хуторского типа... Доля грамотных среди русскоязычного населения по переписи 1897 года составляла лишь около 25% и была примерно в 2–3 раза ниже, чем у народов Прибалтики, финнов и евреев, значительно ниже, чем у поляков, а в Уфимской губернии ниже, чем среди татар» [44]. Экскурс в дореволюционный период отечественной истории подтверждает то, что не И.В. Сталин и не большевики являются родоначальниками политики целенаправленного бюджетирования метрополией экономических нужд окраин. Данную политику Сталин поводил с целью предотвращения сепаратизма окраин, одной из основных причин которого была их экономическая слаборазвитость. Ради этой цели он был готов заморозить и строительство Днепрогэса. В июле 1925 года в одном из своих писем В.М. Молотову, И.В. Сталин с возмущением информировал его о приостановке Политбюро решения о строительстве нефтепровода Баку–Батуми доказывая, что этот нефтепровод нужнее Днепрогэса, поскольку Закавказье испытывает топливный голод, а Донбасс, напротив, не испытывает [45]. Данный факт еще раз подтверждает то, что заботы Сталина о нуждах окраин диктовались общегосударственным соображением – не допустить откола от страны какой-либо части ее терри-

тории, на которой из-за низкого уровня жизни местное население будет с воодушевлением смотреть на более благополучные соседние страны. Что и произошло с современной Украиной.

Второе направление в сталинской стратегии управления советскими территориями выражалось в политике национально-территориального размежевания многочисленных народов страны и в создании новых национально-государственных единиц в составе СССР. Создание национальных автономий И.В. Сталин осуществлял в интересах укрепления российской государственности. В годы Гражданской войны и в первые смутные годы по ее окончании многочисленные народы России требовали от Москвы предоставления им собственной государственности. Для большевиков игнорирование этих требований означало потерю своей власти на той или иной территории. Сохранение единой России было невозможно без предоставления ее народам различных форм суверенитета. Думается, уместно будет вспомнить о том, что ради сохранения целостности России и царская власть допускала определенную децентрализацию Империи. Наделение атрибутами суверенитета тех или иных территорий России также имело место до 1917 года, как и усиленное экономическое развитие окраин в ущерб метрополии, а национальные интересы приносились в жертву имперским общегосударственным интересам. В этом и заключается трагический неумолимый рок и историческая жертвенность русского народа. Национально-территориальное размежевание в 1920-е и 1930-е годы не являлось «спланированной злонамеренной акцией Сталина», а было вызвано объективными историческими причинами. В ряде случаев Сталин проявлял опасения из-за частой перемены границ внутри СССР, а также стремился к защите интересов русских. 12 февраля 1929 года И.В. Сталин встретился с группой украинских писателей. Главной темой беседы было обсуждение пьесы Михаила Афанасьевича Булгакова «Дни Турбиных», которую украинские писатели требовали снять с репертуаров театров, как разжигающую антиукраинские настроения. В ходе беседы украинская делегация неожиданно стала выражать территориальные претензии Украины на части Курской, Воронежской губерний и Кубани, в которых проживало много этнических

украинцев. На это Сталин ответил следующее: «Мы слишком часто меняем границы – это производит плохое впечатление и внутри страны, и вне страны. Миллюков даже писал за границей: Что такое СССР? Нет никаких границ. Любая республика может выйти из состава СССР, когда она захочет. Есть ли это государство или нет? 140 млн. населения сегодня, а завтра 100 млн. населения. Внутри мы относимся осторожнее к этому вопросу, потому что у некоторых русских это вызывает большой отпор. С этим надо считаться. С точки зрения национальной культуры и с точки зрения развития диктатуры пролетариата и с точки зрения развития основных вопросов нашей политики и работы, конечно, не имеет сколько-нибудь серьезного значения, куда входит один из уездов Украины и РСФСР. У нас каждый раз, когда такой вопрос ставится, начинают рычать: а как миллионы русских на Украине угнетаются, не дают на родном языке развиваться, хотят насильственно украинизировать и так далее ... Этот вопрос чисто практический. Он раза два у нас стоял. Мы его отклонили – очень часто меняются границы. Белоруссия ставит сейчас вопрос о том, чтобы часть Смоленской губернии присоединилась к ним. Я думаю, что такой вопрос надо решать осторожно, не слишком забегая вперед, чтобы не развивать отрицательного отпора со стороны той или другой части населения. Это внизу тоже имеется. Я не знаю, как население этих губерний хочет присоединиться к Украине? (Голоса: хочет). А у нас есть сведения, что не хочет...» [46]. Этот фрагмент беседы И.В. Сталина с украинскими писателями достаточно красноречиво свидетельствует о том, что частые перемены границ внутри СССР были для него не только нежелательны, но и опасны, прежде всего, из-за бесконечного ущемления прав русского населения. В западной историографии постоянно поднимается тема о великорусской империи и планомерной политике русификации народов в Российской Империи и СССР. Русские имели двойное государственное самоопределение – республиканское и общесоюзное, что было закреплено в Конституции 1924 года. Создание национальных республик и автономных областей не было правовым ограничением для представителей многонационального населения, в том числе рус-

ского как самого многочисленного. Борьба с колониальным наследием в национальных районах не может рассматриваться как целенаправленная политика игнорирования национальных интересов русских, что не подтверждается исторической практикой. Хотя на X и XII съездах партии, где рассматривался национальный вопрос, говорилось и о борьбе с великорусским шовинизмом. Частью национально-государственной политики большевиков была политика коренизации, которая должна была включить народы республики в систему административно-государственного управления. Нельзя отрицать сложившиеся диспропорции между правовым положением населения на национальных окраинах и центре дореволюционной России. Попытки Советской власти приблизить народы национальных окраин к участию в управлении были легитимными и справедливыми. На практике при проведении коренизации допускались ошибки, увольнялись квалифицированные сотрудники местного аппарата управления, среди которых были представители разных народов, что не являлось целенаправленной политикой национальной дискриминации некоренных народов на национальных окраинах. Многие современные исследователи считают Сталина русофилом, но, несмотря на противоречивость общественного мнения о роли личности И.В. Сталина в исторической судьбе России, с уверенностью можно утверждать, что он не был русофобом, несмотря на громогласные обличения «великорусского шовинизма». Как и во многих других вопросах, так и в «русском вопросе», И.В. Сталин был чистым прагматиком, о чем свидетельствует его политика по отношению к Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны. Сталин считался с интересами русского народа – самого многочисленного в СССР. Известно, что в феврале 1923 года Политбюро ЦК РКП (б) не приняло предложение И.В. Сталина о предоставлении населению «русских губерний» права представительства в Совете Национальностей ЦИК СССР наравне с населением союзных республик и автономий РСФСР [47]. В 1937 году именно Сталин был инициатором введения обязательного изучения русского языка в школах национальных республик. В сентябре 1937 года на Пленуме ЦК ВКП (б) И.В. Сталин был докладчиком по этому вопросу, но в стенографическом отчете

этого Пленума, хранящегося в РГАСПИ, текст сталинского выступления, к сожалению, отсутствует [48]. Это решение объективно препятствовало дискриминации русского населения в национальных республиках. При создании некоторых национальных автономных единиц И.В. Сталин преследовал исключительно геополитические цели. Это подтверждается намерением Сталина предоставить автономию Галиции во время советско-польской войны 1920 года. Сталинская политика национально-территориального размежевания служила укреплению СССР – народы Советского Союза изживали сепаратистские настроения, межнациональные отношения постепенно выравнивались.

Третье направление в сталинской стратегии управления СССР заключалось в создании и постоянном укреплении мощного партийно-государственного аппарата, способного мгновенно подавить всякий всплеск сепаратизма. Сталину удалось создать такой аппарат, который и был главным гарантом территориальной целостности СССР. Сталинское определение коммунистической партии как «ордена меченосцев» широко известно. Данное определение точно характеризует деятельность компартии при И.В. Сталине. Именно партийный аппарат во главе со всесильным Политбюро подчинил себе все государственные структуры, сосредоточив в своих руках необъятную власть. Сталин, как известно, придавал первостепенное и принципиальное значение процессу укрепления единства партии, вступая в острые дискуссии не только с оппозицией, но и со своими соратниками. Так было в декабре 1925 года, когда на Пленуме ЦК РКП (б) К.Е. Ворошилов выступил с инициативой образования отдельной Российской Компартии. Реакция И.В. Сталина на эту инициативу была достаточно жесткой: «мы вопрос об образовании отдельной Российской партии не ставили. Почему? Потому, что практически нет необходимости выделяться. Москва – центр. ЦК руководит всеми организациями и нечего особую организацию выдвигать». Когда Орджоникидзе подал реплику о том, что «закавказская партия» желает переименоваться», Сталин сказал, что «из этого может получиться только отрицательный эффект» [49]. И.В. Сталин опасался федерализации партии, поскольку это было чревато тем, что центральные партийные органы могли утратить часть своих

полномочий. Кроме того, создание Российской компартии могло вызвать совсем нежелательную конкуренцию между ней и общесоюзной компартией в деле управления самой крупной республикой – РСФСР. Блокировав создание Российской компартии, Сталин укреплял не только свои личные властные позиции, но и систему партийной власти, чтобы «держат в руках» республиканские парторганизации. Только единый мощный центр власти – Политбюро ЦК ВКП (б) – мог обеспечить целостность государства в период глобальных модернизационных процессов в условиях сложной международной обстановки 1920-х–1930-х годов. Такой центр власти позволял эффективно бороться с теми местными руководителями, которые нередко игнорировали решения общесоюзных органов власти. Историк О.В. Хлевнюк справедливо указывал на то обстоятельство, что в 1930-е годы местные руководители, требуя от центральной власти капиталовложений, различных льгот, «снисходительно относились ко всякого рода, нарушениям и старались защитить своих людей, если те попадались на совершении противозаконных операций» [50]. Сосредоточение всей власти в Политбюро ЦК ВКП (б), а фактически в руках И.В. Сталина, позволило проводить на окраинах выгодную Москве кадровую политику. Сталин делал все возможное, чтобы разрушить в республиканских органах власти всякую групповщину, местничество, атмосферу круговой поруки. Всесилие Политбюро ЦК ВКП (б) позволяло улаживать многочисленные межведомственные конфликты, что служило делу укрепления союзного государства. В 1930 году при возникновении острых трений между наркоматом внутренних дел РСФСР и ОГПУ по вопросу об использовании труда заключенных, осужденных на сроки свыше 3-х лет (каждое из этих ведомств хотело удержать заключенных в своих лагерях), Сталин написал Молотову о том, что НКВД РСФСР нужно просто «закрыть», что и было сделано в декабре 1930 года [51]. Таким образом, создание единой централизованной системы управления Советским государством во главе с Политбюро явилось главным гарантом территориальной целостности и геополитической независимости СССР. Всесилие партийной власти, приведшее к усилению личной власти

И.В. Сталина в середине 1930-х годов, не вызывали у советского лидера стремления реформировать СССР в соответствии с отвергнутым Лениным сталинским планом «автономизации». В 1930-е годы продолжали появляться новые союзные республики, которые по Конституции 1936 года уже имели право выхода из состава СССР. Сталинская национально-государственная политика не нуждалась в каких-то серьезных корректировках, так как сепаратистские и дезинтеграционные процессы были подавлены, Москва основательно укрепила российскую государственность, сталинская национально-государственная политика эволюционировала от большевизма к россиецентризму. Показательно в этом плане личное участие И. В. Сталина в работе над Конституцией 1936 года. В ходе работы над конституционным проектом и во время заседаний 8-го Чрезвычайного съезда Советов СССР в 1936 году Сталин предпринял комплексные меры по дальнейшему укреплению территориального единства СССР. Просматривая предварительный вариант Конституции, он позаботился о незыблемости центральной власти в системе советского государственного управления. Сталин отверг в предварительном проекте 42 статью Конституции, по которой «Председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР – глава государства, народный президент – избирается всем народом страны». Вычеркнув эту статью, он предложил увеличить количество заместителей Председателя Президиума ВС СССР с тем, чтобы «от каждой союзной республики входил один заместитель» [52]. Данное решение свидетельствует не о нежелании И.В. Сталина поступиться личной властью, а об определенном государственном прагматизме – всесоюзные выборы «народного президента» в 1937 году, несомненно, ослабили политические позиции Москвы при появлении нескольких кандидатов на этот пост, в том числе и из национальных республик. В своем известном выступлении на 8-м Чрезвычайном съезде Советов СССР Сталин блокировал предложения о возможном преобразовании автономных республик в союзные в случае достижения автономиями хозяйственного и культурного уровня союзных республик. Он выдвинул три невыполнимых признака, которые могли бы позволить автономиям трансформироваться в союзные республики: республика должна быть окраиной, не окруженной со

всех сторон территорией СССР; национальность, давшая свое имя республике, должна составлять компактное большинство; республика должна иметь население в количестве не менее миллиона человек [53]. С другой стороны, ради демонстрации «триумфа ленинской национальной политики», в этом же выступлении Сталин отверг предложения об исключении из Конституции 17-й статьи, закрепляющей за союзными республиками право на свободный выход из СССР и о ликвидации Совета Национальностей [54]. В предварительном варианте Конституции И.В. Сталин также распорядился отменить 124 статью в редакции «запретить отправление религиозных обрядов» и 135 статью, лишавшую избирательных прав служителей культа, бывших белогвардейцев и всех остальных «бывших» [55].

Национально-государственная политика Сталина в 1920-е и 1930-е годы смогла обеспечить единство Советского Союза, столь необходимое в силу постоянной внешней угрозы. В годы Великой Отечественной войны никакие высокопрофессиональные немецкие геополитики и администраторы не смогли спровоцировать в СССР межэтнические конфликты, раздробить его на части, создать в нашей стране мощные сепаратистские движения. Единство народов СССР в борьбе против гитлеризма поразило даже непримиримых к большевизму русских эмигрантов. Уже после окончания Великой Отечественной войны, в 1951 году, известный русский историк-антикоммунист, сидевший в тюрьмах ЧК и чудом избежавший расстрела, С.П. Мельгунов писал о том, что «в России нет горячего материала, воспламенение которого может привести к распаду страны. И даже современное большевистское зло может сослужить добрую службу – большевизм крепко сцепил между собой российские национальности» [56]. Для изучения проблемы территориального роста СССР в 1939-1940 годы необходимо выяснить, прежде всего, насколько справедливы и оправданы были притязания СССР на западноукраинские земли, Бессарабию и Северную Буковину. Притязания СССР на западноукраинские земли были оправданы уже только тем фактом, что данные территории были отторгнуты Польшей от России по условиям Рижского мира 1921 года. Более того, в 1920 году не большевики начали войну

с Польшей, а поляки, ведомые воинственным маршалом Пилсудским. Попад под власть Польши, западные украинцы испытали на себе все прелести политики полонизации. Посол Франции в Польше Л. Ноэль писал в своих мемуарах о том, что хотя поляки «считали польскимиТернополь и Львов и прилегающие районы», тем не менее «достаточно было посетить эти территории, чтобы убедиться, что они таковыми не являются. Здесь не чувствовалось, что находишься в Польше. Впрочем, и сами польские власти, несмотря на все их уверения, чувствовали себя здесь за границей, местных жителей они не считали настоящими поляками» [57]. Польские власти проводили так называемую политику «сдерживания» украинского населения в концлагерях для «неблагонадежных». Эту политику поляки не особенно маскировали. В 1930-е годы глава Департамента вероисповедований Польши Х. Дунич-Берковский неоднократно заявлял о том, что на западноукраинских землях «мы ставим своей целью полонизацию» [58]. Польскому гнету пытались отчаянно сопротивляться радикальные украинские националисты. В 1934 году они убили польского министра Бронислова Перацкого. Внедренный в среду украинских националистов советский разведчик П.А. Судоплатов, лично уничтоживший в 1938 году одного из их лидеров – Евгена Коновальца, писал в своих мемуарах о том, что деятели ОУН «буквально жаждали войны Германии с Польшей и СССР, как освобождения из-под ига «национального угнетения» [59]. Политика полонизации поставила западных украинцев в безвыходное положение, их воссоединение со своими единоплеменниками в сентябре 1939 года было единственно возможным для них выходом. Для И.В. Сталина это было ясно еще в 1920-е годы. В июле 1924 года, редактируя резолюцию 5-го Конгресса Коминтерна по национальным вопросам средней Европы и Балкан, он посоветовал Д.З. Мануильскому «сделать некоторые изменения в тех пунктах, где говорится о присоединении украинских и белорусских территорий к СССР. Лучше было бы исправить это в том смысле, что речь идет о воссоединении разорванных империалистическими державами на части Украины и Белоруссии. Так будет скромнее и осторожнее. Иначе могут обвинить Кон-

гресс в том, что он заботится не об освобождении национальностей, а о приращении территорий России. На деле мы от такового поправления ничего не проиграем, ибо все равно все эти разорванные части сомкнутся в свое время с СССР (больше им некуда тянуться)» [60]. Приход Красной Армии в Польшу в сентябре 1939 года был неизбежен в качестве превентивной военной меры против агрессивной по отношению к СССР внешней политики Польши. Все 1920-е и 1930-е годы Польша вынашивала замыслы о расширении своей территории за счет Литвы и Советской Украины. Кое-что сделать в этом отношении Польше даже и удалось – захват Вильнюса и Виленской области в октябре 1920 года генералом Желиговским. Польша была первой страной в Европе, заключившей пакт о ненападении и дружбе с гитлеровской Германией 26 января 1934 года, после чего ее восточная политика стала еще более агрессивной. В 1934 году Польша отвергла предложение СССР о заключении Восточного пакта (Балтийской декларации), гарантировавшей безопасность Прибалтийских государств. 30 сентября 1938 года, на следующий день после подписания Мюнхенского соглашения, расчленившего Чехословакию (союзника СССР), Польша в ультимативной форме потребовала передачи ей Тешинской и Фриштатской областей, что ей и удалось [61]. Следует вспомнить и о территориальных притязаниях Польши по отношению к Украине, открыто высказанные польским руководством лидерам нацистской Германии в 1939 году. 5 января 1939 года в беседе с Гитлером польский министр иностранных дел Ю. Бек заявил о том, что Украина «это польское слово» и означает «восточные пограничные земли». Этим словом поляки вот уже на протяжении десятилетий обозначали земли, расположенные к востоку от их территории вдоль Днепра» [62]. В январе 1939 года в беседах с германским министром иностранных дел Риббентропом Бек уже более определенно формулирует территориальные претензии: «Я спросил Бека, не отказались ли они от честолюбивых устремлений маршала Пилсудского в этом направлении, то есть от претензий на Украину. На это он, улыбаясь, ответил мне, что они уже были в самом Киеве и что эти устремления, несомненно, все еще живы и сегодня; 26 января 1939 года... ..Господин Бек не скрывал, что Польша претендует на

Советскую Украину и на выход к Черному морю» [63]. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что Польша категорично отказалась пропустить советские войска через ее территорию в случае агрессии Германии. Как известно, в августе 1939 года именно на этом вопросе застопорились англо-франко-советские переговоры в Москве. Французский министр иностранных дел Жорж Бонне напрасно пытался переубедить поляков. 22 августа 1939 года он отправляет отчаянную телеграмму французскому посланнику в Польше: «Любая возможность договориться с Советским правительством, что может еще быть обеспечено положительным ответом польского правительства, позволила бы нам ограничить как по духу, так и по букве значение будущего германо-русского соглашения, ставя, по крайней мере, вопрос о его совместимости с обязательствами, взятыми в то же время СССР по отношению к Франции и Великобритании. Соблаговолите особо настаивать на том, что Польша ни морально, ни политически не может отказаться испытать этот последний шанс спасти мир» [64]. Польша не пожелала внять совету французского министра «испытать этот последний шанс спасти мир» – результат всем известен. Закономерно было и возвращение в СССР Бессарабии. Нельзя забывать о том, что многовековое турецкое иго вынуждало молдавских господарей еще в 17 веке умолять русского царя «бедным рабам твоим получить от царствия твоего малой покой» [65]. Присоединение Бессарабии к России в 1812 году согласно условиям Бухарестского мира между Российской Империей и Турцией были незаконно пересмотрены Румынией после развала Российской Империи. Нарушив все союзнические обязательства Первой мировой войны, Румыния еще до падения режима Керенского начала готовить вторжение в Бессарабию. В 1918 году, захватив Бессарабию, румынские власти прибрали к рукам и все имущество группы русских войск во главе с генералом Д.Г. Горбачевым, не оплатив при этом поставки оружия и продовольствия странами Антанты, продолжавшиеся до апреля 1917 года. По разным подсчетам наших исследователей общая задолженность Румынии определялась в перерасчете на рубли от 1.005.501.601 рублей до 1 млрд.352 млн. рублей золотом по це-

нам 1916-1918 годы [66]. Поход Красной Армии в Бессарабию был предопределен и тем, что сама Румыния в 1940 году, заручившись германским покровительством, сосредотачивала на границах с СССР все большее количество вооруженных сил, а вскоре стала принимать на свою территорию и немецкие воинские части. О сосредоточении румынских войск на советских границах руководство страны информировало Разведуправление РККА в своей сводке от 19 июня 1940 года [67]. Активность румынских войск на границах с СССР позволила И.В. Сталину через В.М. Молотова заявить послу Германии в СССР Шуленбургу 23 июня 1940 года о том, что советское правительство «намерено использовать силу», если Румыния не уступит СССР Бессарабию и Северную Буковину [68]. В конечном счете, присоединение Бессарабии и Северной Буковины было торжеством исторической справедливости – СССР вернул себе незаконно отторгнутые Румынией территории.

Территориальный рост СССР в 1939-1940 годы очень серьезно укрепил геополитические позиции страны в Европе. И.В. Сталину при активной помощи В.М. Молотова удалось существенно продвинуть советские границы на Запад, что было крайне важно в условиях быстро ухудшающейся международной обстановки. В период победоносного шествия Гитлера по Европе территориальный рост СССР служил важным фактором сдерживания нацистской агрессии и одновременно поднимал авторитет страны Советов во всем мире. Следует согласиться с мнением В.М. Молотова, говорившего писателю Ф.И. Чуеву о том, что в деле расширения пределов «нашего Отечества... мы со Сталиным неплохо справились с этой задачей» [69]. Активная экспансия И.В. Сталина на Запад в 1939–1940 годы была вызвана объективной необходимостью продвинуть границы СССР как можно дальше на Запад с целью обеспечения безопасности Центрально-Европейской России, а, по сути, являлось актом исторической справедливости по возвращению ранее утраченных исконных земель Российской Империи. Национально-государственная политика И.В. Сталина была направлена на выравнивание экономического уровня отсталых республик, поэтому была связана с проблемой деколонизации. Но ей предшествовала культурная революция,

которая принесла всем народам ликвидацию безграмотности, создание алфавитов и письменности для тех народов, у которых не было письменности, массовое получение квалифицированных, в том числе технических профессий. В национальных регионах сформировалась система здравоохранения, были побеждены эпидемии чумы, холеры, туберкулеза, трахомы. И только в период индустриализации страны И.В. Сталин поставил вопрос о выравнивании экономического уровня отсталых республик. Нельзя утверждать, что происходила искусственная перекачка средств и ресурсов из центра в бывшие колониальные окраины, неготовые к технологическим новациям. Действительно, началось повсеместное строительство промышленных предприятий. В отдельных регионах это было связано с наличием богатейших залежей полезных ископаемых, без которых не могли работать традиционные промышленные районы Европейской России и Украины. Поэтому сталинскую модернизацию нельзя связывать только с идеологическими аспектами, требовавшими формирования однородной социальной структуры общества. Неравномерное финансирование из государственного бюджета национальных республик дало возможность И.В. Сталину создать мощную индустриальную базу на востоке страны. Это позволило во время Великой Отечественной войны, опираясь на созданный в предвоенные пятилетки экономический потенциал, добиться победы над фашистской Германией. Часть национальных республик оставалась дотационной, так как социокультурные традиции населения тормозили развитие модернизации в национальных районах. Это была традиционная схема развития для большого многонационального государства, в которой просматриваются диспропорции север-юг, запад-восток. Сталинская политика в области индустриализации имела историческую перспективу, была легитимна, но имела и свои негативные последствия, в частности, было ослаблено развитие нечерноземных областей центральной России. Население этих исконных российских районов в результате миграций направлялось на строительство промышленных гигантов и электростанций на востоке страны, осваивало новые месторождения, создавало нефтегазовый комплекс и транспортную инфраструктуру.

туру, поднимало целинные и залежные земли. Складывалось новое многонациональное общество на интернациональных принципах, где каждый народ стал субъектом публичного права в составе федерации. Сталинская национально-государственная политика в ее геополитическом аспекте способствовала расцвету наций, форсировала их консолидацию, связывая этничность с властью и территорией. Советское государство при И.В. Сталине способствовало правовой институционализации этничности как политической категории, фиксируя ее в паспортах, а территории – за крупными этносами и этническими элитами. Последние стремились обрести более высокий политический статус, подталкивая этнополитические общности к реализации легитимного права на собственную государственность. Сталин был глубоко убежден в том, что народы должны быть полноправными субъектами национальной политики. Сталинская мысль по-прежнему актуальна, особенно по отношению к тем народам, которые, во-первых, имеют свои национально-государственные и национально-территориальные образования, во-вторых, их властные элиты не стали политическими марионетками в геостратегии мировой закулисы.

Список литературы

1. РГАСПИ. Ф. 558. – Оп. 1. – Д. 4490. – Л. 6.
2. Сталин И.В. Соч. – Т. 3. – С. 207.
3. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия. – М., 1992. – С. 67–68.
4. Суханов Н.Н. Записки о революции. – М., 1991. – Т. 2. – С. 274.
5. Миллюков П.Н. Россия на переломе. – Париж, 1925. – Т. 1. – С. 37–38.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 35. – С. 115.
7. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия. – М., 1992. – С. 72, 120, 145, 147–149.
8. Сталин И.В. Соч. Т. 4. – С.17.
9. РГАСПИ. Ф. 558. – Оп. 1. – Д. 145. – Лл. 1–2.
10. РГАСПИ. Ф. 558. – Оп. 1. – Д. 140. – Л. 30.

11. Карр Э. История Советской России. Большеви́стская революция. 1917–1923. – М., 1990. – Т. 1. – с.220.
12. Деятельность Центрального Комитета партии в документах (события и факты). 15 ноября – 4 декабря 1919 г. // Известия ЦК КПСС. – 1990. – №6. – С. 176.
13. Карташов А.В. Очерки по истории Русской Церкви. – М., 1991. – Т. 2. – С. 268.
14. РГАСПИ. Ф. 558. – Оп. 1. – Д. 1737. – Лл. 1–2.
15. РГАСПИ. Ф. 558. – Оп. 1. – Д. 1969. – Лл.1–2.
16. РГАСПИ. Ф. 558. – Оп. 1. – Д. 1969. – Лл. 14–15.
17. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия. – М., 1992. – С. 87.
18. Десятый съезд РКП (б). Март 1921 года. Стенографический отчет. – М., 1963. – С. 203–204.
19. Конт Ф. Революция и дипломатия // Х. Раковский. – М., 1991. – С. 73.
20. Из истории образования СССР. Документы и материалы о работе комиссии Оргбюро ЦК РКП (б) по подготовке вопроса «О взаимоотношениях РСФСР и независимых республик» к Пленуму Центрального Комитета партии (6 октября 1922 г.) // Известия ЦК КПСС. – 1989. – №9. – С. 214.
21. Маккиндер Х.Д. Географическая ось истории // Полис. Политические исследования. – 1995. – №4. – С. 168.
22. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 45. – С. 361–362.
23. РГАСПИ. Ф. 17. – Оп. 2. – Д. 93. – Л. 3.
24. РГАСПИ. Ф. 17. – Оп. 2. – Д. 82. – Лл. 3–6.
25. Двенадцатый съезд РКП (б) 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. – М., 1968.
26. Из истории образования СССР. Стенограмма заседаний секции XII съезда РКП (б) по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. – 1991. – №3. – С. 172.

27. Из истории образования СССР. Стенограмма заседания секции XII съезда РКП (б) по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. – 1991. – №3. – С. 178.

28. Из истории образования СССР. Стенограмма заседания секции XII съезда РКП (б) по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. – 1991. – №4. – С. 172.

29. Из истории образования СССР. Стенограмма заседания секции XII съезда РКП (б) по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. – 1991. – №5. – С. 159–162.

30. Из истории образования СССР. Стенограмма заседания секции XII съезда РКП (б) по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. – 1991. – №5. – С. 169–170.

31. Сталин И.В. Соч. – Т. 5. – С. 277.

32. Сталин И.В. Соч. – Т. 5. – С. 236–278.

33. Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. – М., 1992. – С. 108.

34. Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. – М., 1992. – С. 264.

35. РГАСПИ. Ф. 558. – Оп. 1. – Д. 3478. – Л. 33.

36. РГАСПИ. Ф. 558. – Оп. 1. – Д. 3478. – Л. 34.

37. РГАСПИ. Ф. 17. – Оп. 2. – Д. 683. – Лл. 12–14.

38. От капитализма к социализму. Основные проблемы истории переходного периода в СССР. 1917–1937. – М., 1981. – Т. 2. – С. 236.

39. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года // Вопросы истории. – 1992. – №10. – С. 20.

40. РГАСПИ. Ф. 17. – Оп. 10. – Д. 130. – Л. 255.

41. РГАСПИ. Ф. 558. – Оп. 1. – Д. 5380. – Л. 7.

42. Пассат В.И. Трудные страницы истории Молдовы 1940–1950 гг. – М., 1994. – С. 135–136.
43. Козлов В.И. «Имперская» нация или ущемленная национальность. – М., 1991. – №1. – С. 134–135.
44. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. – М., 1995. – С. 32.
45. РГАСПИ. Ф. 558. – Оп. 1. – Д. 4490. – Л. 19.
46. Наше Отечество. Опыт политической истории. – М., 1991. – Т. 2. – С. 154–155.
47. РГАСПИ. Ф. 17. – Оп. 2. – Д. 627. – Л. 1.
48. РГАСПИ. Ф. 17. – Оп. 2. – Д. 205. – Л. 5.
49. Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. – М., 1996. – С. 125.
50. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. – М., 1995. – С. 214–216.
51. РГАСПИ. Ф. 558. – Оп. 1. – Д. 5299. – Л. 2.
52. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – М., 1952. – С. 567.
53. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – М., 1952. – С. 566, 568.
54. РГАСПИ. Ф. 558. – Оп. 1. – Д. 5299. – Л. 3.
55. Мельгунов С.П. Единая или расчлененная держава // Возрождение. 1951. – Тетрадь 15. – С. 136.
56. Прибылов В.И. «Захват» или «воссоединение»? (Зарубежные историки о 17 сентября 1939 г.) / В.И. Прибылов // Военно-исторический журнал. – 1990. – №9. – С. 17–18.
57. Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 23.
58. РГАСПИ. Ф. 558. – Оп. 1. – Д. 2633. – Л. 1.
59. Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы в 2-х тт. – М., 1990. – Т. 1. – С. 32–34, 38, 45–46, 173, 176, 195.
60. Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы в 2-х тт. – М., 1990. – Т. 2. – С. 306.
61. Под стягом России. Сборник архивных документов. – М., 1992. – С. 53.

62. Виноградов В. Кому возвращать долги? / В. Виноградов // Родина. – 1993. – №5–6. – С. 88–89.

63. Полпреды сообщают. Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939–август 1940 г. – М., 1990. – С. 407.

64. Оглашению подлежит. СССР–Германия 1939–1941. Документы и материалы. – М., 1991. – С. 194.

65. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. – М. – 1991. – С. 14.